

АЛЕКСАНДРА ПУНЖИНА (Петрозаводск)

ПАРТИТИВ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале калининских говоров)

I. По общепринятому мнению, партитив произошел от древнего аблатива.¹ Именно древнее аблативное значение сохранилось в фин. *luo|ta* 'от', *kauka|a* 'издалека', *taka|a* 'из-за', *alla|ta* 'из-под'² — застывших партитивных формах имен.

Следует отметить, что ряд современных финно-угорских языков в сложных окончаниях падежей отделительного значения (элатива, аблатива и делатива) имеет компонент *-t*.

Из финно-угорских языков партитив употребляется в прибалтийско-финских и саамском, но выражение партитивного значения **-t*-овой аблативной формой свойственно и мордовским языкам. Показывая, что одной из функций мордовского аблатива является выражение партитивного значения, Д. В. Бубрих подчеркивал близость функций мордовского аблатива и финского партитива.³ Поэтому П. Аристэ справедливо указывает, что функции партитива развивались в то время, когда связь между волжскими и прибалтийско-финскими языками еще не была нарушена.⁴

Употребление партитива в саамском языке, по мнению К. Конта, связано главным образом с единственным числом, т. е. он не входит полностью в систему именного склонения. Шире употребляется он в саамских диалектах Финляндии и Кольского п-ва, но и здесь непоследовательно, поскольку может заменяться аккузативом.⁵ Прибалтийско-финский же партитив употребляется как в единственном, так и во множественном числе преимущественно и прилагательно, будучи общеупотребительным падежом со многими функциями.⁶

В отличие от мордовского аблатива, для которого более характерно обозначение локальных, нежели партитивных отношений, партитив и пространственные падежи в прибалтийско-финских языках дифференцированы, так как существуют специальные падежи для обозначения

¹ J. Szinyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Leipzig 1910, стр. 65; Д. В. Бубрих, *Историческая морфология финского языка*, Москва—Ленинград 1955, стр. 17; В. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Uppsala 1960, стр. 287; Р. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*, Budapest 1966, стр. 122.

² Л. Хакулинен, *Развитие и структура финского языка I*, Москва 1953, стр. 86.

³ Д. В. Бубрих, *Эрзя-мордовская грамматика минимум (Пособие для вузов)*, Саранск 1947, стр. 14.

⁴ П. Аристэ, *Примечания*. — Л. Хакулинен, *Развитие и структура финского языка I*, Москва 1953, стр. 299.

⁵ К. Конт, *О партитиве в финно-угорских языках*. — СФУ III 1967, стр. 2.

соответствующих оттенков локальных отношений, что значительно ограничивает сферу употребления прибалтийско-финского партитива в местном значении. Основная сфера употребления и функции прибалтийско-финского партитива связаны с конструкциями для выражения парциальных объекта, субъекта и предикатива.

К. Конт предполагает, что четкое различие части и целого связано с завершением образования партитива в прибалтийско-финском праязыке, корнями же это явление уходит в волжско-прибалтийско-финский период.⁷

II. Партитив в карельском языке отличается разнообразием окончаний. В толмачевском и весьегонском говорах партитив единственного числа в зависимости от основы имеет следующие окончания⁸:

а) дифтонгоидные *-ua*, *-uo*, *-üö*, *-ie*, *-iä*, которые условно считаются ими, поскольку в них конечный гласный основы сливается с гласным окончанием партитива *-ta*, *-tä* при выпадении *t*; употребляются при основе на *-a*, *-ä*, *-o*, *-ö*, *-u*, *-ü*, *-i*, а также у части имен на *-e*: *pada* : *padua* 'горшка', *kego* : *keguo* 'копны', *tukku* : *tukkuo* 'кучи', *löttö* : *löttüö* 'лягушки', *vägi* : *vägie* 'силы', *kangi* (основа *kange-*) : *kangie* 'кола', *heinä* : *heinä* 'сена';

б) *-da/-dä* употребляются при основе на *-l*, *-n*, *-r*, а также при гласной основе на дифтонг: *vemmel* : *vemmeldä* 'дуги', *huoli* : *huolda* 'заботы', *pieni-piendä* 'маленького', *huwmari* : *huwmarda* 'отсека', *šaivar* : *šaivarda* 'гниды', *voi* : *voida* 'масла', *šuw-šuwda* 'рта', *kiwguä* : *kiwguada* 'печи', *levie* : *leviedä* 'широкого';

в) *-ta/-tä* при согласной основе на *-h*, *-s*, *-š*, *-t*, а также на *-n*, *-r* и при гласной основе на *-de*: *pereh* : *perehtä* 'семьи', *herñeh* : *herñehtä* 'гороха', *valmis* : *valmista* 'готового', *lammaš* : *lammašta* 'овцы', *taivaš* : *taivašta* 'неба', *veži* : *veftä* 'воды', *künži* : *küntä* 'ногтя', *hirži* : *hirtä* 'бревна';

г) *-ta/-tä* или *-ie*, *-ta/-tä* или *-da/-dä*: *lehti* : *lehtie ~ lehtä* 'листа', *veičči* : *veiččie ~ veistä* 'ножа', *näre* : *näriedä ~ närettä* 'ели', *päre* : *päriedä ~ pärettä* 'дранки', *meri* : *merie ~ merdä* 'морья'.

В зубцовском говоре партитив единственного числа в соответствии с фонетическими закономерностями говора имеет следующие окончания и их варианты:

а) *-ua* (*-u*, *-ü*) у имен существительных с основами на *-a*, *-ä*, где конечные *-a*, *-ä* чаще всего подвергаются апокопе: *oli kolm kopeikkua*, *üks kopeikk i grošš* 'были три копейки, копейка и грош', *grobuh pannä vaštua* 'в гроб кладут веники' (букв. 'веник'), *pan leiväll šualua* 'положи на хлеб соли', *morkkuä külvütmä* 'мы сеяли морковку', *om muštua smorodinua* 'есть черная смородина', *miul mäni kolmkümmeñd viži paikkua* 'у меня ушло тридцать пять платков', *mečči valitti, mahlu šial jüvä* 'лес валят, березовый сок там пьют', *dengat oldi puoli šadu i šad* 'деньги были полсотни и сотня', *halgu vedim stamcell* 'дрова возили мы на стан-

⁶ См. А. Ояajarvi, Sijojen merkitystehtävistä Itä-Karjalan Maaselän murteissa. Nominatiivi, genetiivi, akkusatiivi ja partitiivi, Helsinki 1950 (MSFOu XCVII); N. Denison, The Partitive in Finnish, Helsinki 1957 (AASF B 108); R.-P. Ritter, Untersuchungen zum Partitiv im Vepsischen, Berlin 1972.

⁷ К. Конт, О партитиве в финно-угорских языках. — СФУ III 1967, стр. 5.

⁸ Об окончаниях партитива в толмачевском говоре см.: А. А. Беляков, Окончания партитива в карельском языке карел Калининской области. — Вопросы финно-угорского языкознания, Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград 1964, стр. 89—95.

цию', *külät seižtettu doržu müttēn* 'деревни поставлены по Держе', *šid velčaija brihu* 'потом величают парня', *langū kežräimm vet* 'нити сучили ведь', *annoin velgah dengū* 'отдала в долг денег', *kagrū nitti* 'он косил овес', *ol torokknū äiji, muštu torokknū* 'было много тараканов, черных тараканов';

б) *-iä (-i)*: у части имен с основами на *-a*, *-ä*: *pett maijoll paišsetti leibiä* 'на пахте пекли хлеб', *ol nell lähtömiä* 'было четыре телка', *talvell šüädih räbiini* 'зимой ели рябину', *voinuh šuttēn ol äiji küli* 'до войны было много деревень';

в) *-ia/-iä* у существительных с основой на *-e* (выступает вместо *-ie* в толмачевском и весьегонском говорах): *kakš šolgia ommellah üteh* 'два полотнища сшивают вместе', *ei ollu vägiä* 'не было сил', *tuodih igruškšia* 'привезли игрушек', *pandih lavdzi ed kiviä* 'положили досок и камней', *kiuguh olgia levütät* 'в печь разложишь солому'.

У существительных во множественном числе в толмачевском и весьегонском говорах *-da/-dä* служат окончаниями партитива в следующих случаях:

а) у односложных имен с дифтонгом, например, *pii: piiloi|dä* 'зубьев', *suo: suoloi|da* 'болот', *tüö: tüölöi|dä* 'пеньки', *vüö: vüölöi|dä* 'поясов', *kuw: kuwloi|da* 'месяцев';

б) у двух- и многосложных имен, у которых возникает дифтонг при слиянии гласной основы и показателя множественного числа, или при наличии дифтонга в основе: *harava: haravoi|da* 'граблей', *kala: kaloi|da* 'рыб', *keviä: keviäi|dä* 'весен', *libie: libei|dä* 'скользящих', *šuappua: šuappai|da* 'сапог';

в) у имен, оканчивающихся в единственном числе на *-i*, *-o*, *-ö*, *-u*, *-ü*: *kazi: kaziloi|da* 'кошек', *hiiri: hiirilöi|dä* 'мышей', *vägi: vägilöi|dä* 'сил', *palo: paloloi|da* 'пожар', *kego: kegoloi|da* 'копен', *börö: börölöi|dä* 'жуков', *kulu: kululoi|da* 'ветоши', *külü: külülöi|dä* 'бань', *vävü: vävülöi|dä* 'зятьев';

г) у сравнительно небольшой группы имен, оканчивающихся в номинативе единственного числа на *-e*: *näre: närei|dä* 'елей', *päre: pärei|dä* 'дранок', *kuorei|da* 'сметаны', *late: lattei|da* 'полов', *kate: kattei|da* 'покрывал', *tüke: fükkei|dä* 'затычек'.

Окончание *-e* в партитиве множественного числа встречается:

а) у имен, оканчивающихся в единственном числе на *-h*, *-l*, *-n*, *-r*, *-s*, *-š*, *-t*: *herneh: hernehie* 'горошин', *šammal: šammalie* 'мхов', *avain: avuamie* 'ключей', *päisär: päistärie* 'костров', *kallis: kallehie* 'дорогих', *katoš: katokšie* 'крыш';

б) у имен на *-ne*: *heboñe: hebožie* 'лошадей', *naiñe: naižie* 'женщин';

в) у двусложных имен с окончаниями *-a*, *-ä* в единственном числе: *küla: külie* 'деревень', *loga: logie* 'лугов', *lehmä: lehmie* 'коров', *šokka: šokkie* 'щек'.

Для зубцовского говора в основном характерно отсутствие окончания партитива во множественном числе. Как правило, это касается окончания *-da/-dä* (за исключением единичных случаев): *kegloi luakšitti* 'копны металей', *polossam piälöi jätetti* 'концы полос оставляли', *kažin hirlöi tavottel* 'кошечка ловила мышей', *ei ollu raudzi renglöi* 'железных ведер не было', *kolonkziss piettih nuagloi* 'в шкафу держали гвозди', *stañiloi omblimm* 'штаны шили', *hü poččloi piettih* 'они свиней держали'. В зубцовском говоре окончание партитива *-da/-dä* отсутствует после показателей множественного числа *-loi/-löi* и *-i*: *talvell*

paissetti kapusnikkoi 'зимой пекли капустники', *važoi piettih* 'держали телят', *muad javotti arboi müffen* 'землю делили по жребью', *plattoi, kitaikoi omblimm* 'платья, китайки мы шили', *paidoi omblimm* 'рубашки шили', *kanoi diäd ei pidännü* 'кур дядя не держал', *brihoi ol äiji küläšš* 'парней было много в деревне', *šuarpoi ommeldi ofčinašt* 'шапки шили из овчины', *parki ofčinoi, nahkoi ruadu* 'корье для обработки овчин, шкур', *räččinöi hüvi naižill kuvottih* 'женщинам ткали хорошие сорочки', *šantah zmejoi on äiji šial* 'говорят, там много змей', *lampoi ei jollun* 'ламп не было'.

Отсутствие окончания партитива во множественном числе встречается не только в зубцовском говоре. Оно характерно, например,

а) для ливвиковского диалекта карельского языка: *enne bešodoi piettih külülöis* (Макаров, Рягоев 178) 'раньше посиделки проводили в банях', *lampuloi eihäi olluh* (Макаров, Рягоев 179) 'ламп не было', *mütuin roččiloj kaččomah* (Макаров, Рягоев 182) 'перешла смотреть свиней', *jalgoi täs kohtas kivistäw* 'ноги вот в этом месте болят' (Макаров, Рягоев 156), *kaikkī uñiloi jo nenni* (Virtaranta 85) 'вижу уже всякие сны', *kodiloi süremb on* (Virtaranta 84) 'он выше домов';

б) для ижорского языка: *e-nne tehti telegoi* (Laanest 13) 'раньше делали телеги', *karhuloi ono / šú-ziloi* (Laanest 48) 'медведи есть, волки', *ken tatti me-rtoi, ken marja mertoi* (Laanest 8) 'кто для грибов корзины, кто для ягод (делает)'.

В письменном памятнике начала XIX века, представляющем собой перевод «Евангелия от Марка» на тверской диалект карельского языка, в партитиве множественного числа еще довольно последовательно выступает окончание *-ja/-jä*: *vüö nahkañe hänen šivuloja müöt* (ПФЯ V 101) 'кожаный пояс на его поясице', *nägi simonua laškomašša verkoloja mereh* (ПФЯ V 101) 'видел Симона, опускающего сети в море', *šöi tihilöja i meččämettä* (ПФЯ V 101) 'ел он акриды и дикий мед', *kuin ei ottane kodiloja, i vellilöjä, i čikkoloja* (ПФЯ V 113) 'и не взял бы домов, братьев и сестер'. Данная форма множественного числа партитива в современных говорах калининских карел встречается крайне редко: *T kugali katetta, sigäli i jalgoja oijenna* (ОКР 86) 'сколько одеяла, на столько и ноги протягивай', *3 a ofčinoja antä ruadū* 'а овчины отдают выдывать'; *-ja/-jä* замещается окончанием *-da/-dä*. Аналогичная замена произошла и в ливвиковском диалекте, хотя Э. Ахтия еще называет формы с окончанием *-ja/-jä*: *mualoja* 'земель', *tähtilöjä* 'звезд', *randoja* 'берегов'.⁹

Окончание партитива множественного числа *-ja/-jä* свойственно:

а) северным говорам собственно карельского диалекта: *ottau pahempie miekkoja keralla* (P. Virtaranta, Suomussalmen karjalaiskylien kielioloista. — Fenno-ugrica. Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17. 3. 1968, Helsinki 1968 (MSFOu 145), стр. 261) 'берет с собой мечи похуже', *mitä kisoja šielä kisattih?* (Virtaranta 17) 'в какие игры там играли?', *vejettih nit aikoja* (Virtaranta 14) 'так проводили время';

б) валдайскому говору: *mužikka ei ruven uškomah dohtarin šanoja* (Palmeos 181) 'мужик не стал верить словам доктора', *küläššä oli äijä tüttöloja* (Palmeos 193) 'в деревне было много девушек';

в) ижорскому языку: *i-zä tō-za te-gi te-legeja* (Laanest 13) 'отец тоже делал телеги', *a-letti pütä ka-llöja* (Laanest 121) 'начали ловить рыбу', *verkkoja ei sã-du* (Laanest 121) 'сетей не поднимали';

⁹ E. Ahtia, Karjalan kieliooppi, Äänne- ja sanaoppi, Suojärvi 1936, стр. 42.

г) восточным говорам финского языка: *kattoloja* 'крыш', *tottkuloja* 'внутренностей (рыбы)', *mäkilöjä* 'гор' (Rapola 71).

III. В отличие от толмачевского говора, где употребление прямого дополнения в партитиве связано с единственным числом¹⁰, в зубцовском говоре применяется в основном форма множественного числа: *3 ofčinoi i nahkoi ruadu pidä parki* 'для выделки овчин и шкур нужно корьё', *lavlettih viržilöi* 'пели песни', *pañim ročin lihoi* 'кляли свинину', *kanoi rubimm pidemä* 'будем держать кур', *ol meil hirlöi* 'у нас были мыши', *heile_e jollu lapšia* 'не было у них детей', *akk gořuiččou: e_joi meil lapšužia* 'старуха горюет: нет у нас детишек', *brihat tož brihašt ottä dengoi* 'парни у парней деньги берут тоже'.

Наряду с этим возможно употребление прямого дополнения в партитиве единственного числа: *3 antä dengü heil* 'дают им денег', *rubin lükkü issutma* 'буду сажать лук', *ogurču kuarinke šüvvoä* 'огурцы едят со сметаной'.

Подобное применение множественного числа существительных в партитиве выявляется и в других языках: севернокар. *hän oli kantan hiršija o-lkapeälläh* (Virtaranta 13) 'он носил на своих плечах бревна', *vejettih nīt aikoja* (Virtaranta 14) 'так проводили время', иж. *a-lettī pū-tä ka-llöja* (Laanest 121) 'начали ловить рыбу', вод. *essi kuormä kaloi* (Ariste 11) 'купил воз рыбы'.

Существительные в партитиве в сочетании со словами *äijä* 'много', *vähä* 'мало', *moñi* 'несколько' и т. д. в зубцовском говоре имеют совершенно особое употребление во множественном числе: *3 küläšš ol äiji tüttölöi / brihoi* 'в деревне было много девушек, парней', *mečišš meil on äiji lošoi / poččloi / řebloi* 'в лесах у нас много лосей, кабанов, лисиц', *tän vun miul on väh lükkloi* 'в этом году у меня мало луку', *väh kažvau fruktoi* 'мало растет фруктов', *moñi kodiloi palo* 'несколько домов спело'.

Применение формы множественного числа у имен в партитиве в указанных сочетаниях — редкое для карельского языка явление, точнее, оно зафиксировано лишь в зубцовском говоре калининских карел. Сочетания типа *joukko hevosiä* сравнительно редки, но употребляются в современном финском языке. Э. Итконен отмечает партитив множественного числа в аналогичных случаях в раннем финском как падеж отделения.¹¹

Существительные в партитиве в сочетании с количественными числительными начиная с 'два' во всех трех говорах употребляются в единственном числе: *T kaivoim nellä vakkua juablokkua* 'я выкопал четыре меры картофеля', *kolme lammašta oldih muššat* 'три овцы были черные', *3 novvoih šuffen nell virstü* 'до Нового четыре версты', *ol hänell kaš kanaist* 'было у ней две курочки', *B tavotiin vain puoliküm-menen kalua* 'я поймал только полдесятка рыбы'.

IV. Существительные в форме партитива выступают

а) в функции прямого дополнения: *T mužikat šorrettih meččiä* 'мужики рубили лес', *B šuolua oštima veššisfä* 'соль покупали в Весегонске', *3 kažiñ hiirlöi tavotteli* 'кошечка ловила мышей';

б) изредка в функции подлежащего: *T hevosta mäni orahilla* 'ло-

¹⁰ А. А. Беляков, Категория числа в карельском партитиве. — Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2, Ленинград 1948, стр. 160—163.

¹¹ E. Itkonen, Zur Geschichte des Partitivs. — FUF XL 1973, стр. 304—305.

шади зашли на озимые'; В *miän mečisssä on jänisfä, rebuo* 'в наших лесах есть зайцы, лисицы', З *ühell' riävüll' kažvaw morkvua i lükkü* 'на одной гряде растут морковь и лук';

в) в конструкциях с количественными числительными: Т *hakkaimma müö nellä virštua* 'прошли мы четыре версты', В *vaštua šain kümmeñen kammiččua* 'я наломала веников десять пар', З *miun miññall on kolm lašta* 'у моей невестки трое детей';

г) в сочетаниях со словами, выражающими меру, количество: Т *tänä kezänä oli vähä vihmua* 'этим летом было мало дождей', В *slūžibah külästä läksi moñi brihua* 'на службу из деревни ушло несколько парней', З *nügün hukkie meil' väh nägüw* 'теперь волков у нас мало видно';

д) с прилагательными в сравнительной степени: Т *hawgi on šuwrembi toizie kaloida* 'щука больше другой рыбы', В *kondie ewlun lehmiä pieñembi* 'медведь был не меньше коровы';

е) в конструкциях с послелогоми: *müöt* 'по', *vaššen* 'к, о, по отношению к кому-либо, чему-либо': Т *lehmäkarja tulow šildua müöt* 'стадо коров идет по мосту', *bökähütti kossan aidua vaššen* 'прислонил косу к забору', З *poigu vaššen hin ol' hüvi* 'по отношению к сыну он был хороший'.

Применение партитива в функции прямого дополнения в карельском языке, как и в финском, во многом зависит от глагола — сказуемого. Имеется целый ряд глаголов, требующих партитивного дополнения, например глаголы, выражающие чувства, воздействие на объект, намерение что-либо сделать и т. д.

Существительные в форме партитива употребляются в отрицательных предложениях: Т *žiivattua peldoh vietä emmä laškennun* 'скот в поле мы еще не выпускали', З *männü kezän ogurču ei kažvan* 'прошлым летом огурцы не уродились'.

Партитив выражает

а) часть предмета или его массы, объема: Т *melličällä jawhottima jawhuo, krupodorkalla šuwrimua* 'на мельнице мололи муку, на крупорушке — крупу', З *veftü kannamm joveld* 'воду носим с речки';

б) конкретное количество чего-либо: Т *kažvo kakši vakkua lükkua* 'выросло две меры луку', В *puiččima nellä posuadua ruista* 'обмолотили четыре посада ржи', З *lehm lüpsi päiväšš kümmeñen litrū maiduo* 'корова за день давала десять литров молока';

в) неконкретное количество людей, предметов и т. д.: Т *kun hüvä šia, päiväššä kuivat äijän heiñiä* 'когда хорошая погода, за день насышишь много сена', В *šapijat keššeffih moñi vuotta* 'сапоги выдержали несколько лет', З *vaštoi šidoimm äijin* 'веников заготавливали много';

г) предмет сравнения: Т *puw oli taiginua ložiembi* 'дерево было толще квашни', В *takka puwdua jügiembi* 'груз тяжелее пуда';

д) иногда действующее лицо: Т *läksi piendä lašta marjah* 'пошли маленькие дети за ягодами', В *mečäššä kažvaw puwda i tuhjuo* 'в лесу растут деревья и кусты';

е) причину: Т *koira kuoli jo vanhutta* 'собака подохла уже от старости', В *läžewdü akka viluo* 'заболела старуха от холода'.

С послелогоми, прежде всего с послелогоми пространственного значения, партитив имеет значения, свойственные данным послелогам: Т *dorogua vaššen složittu ruopaš* 'у дороги сложена груда камней', В *kävelöw hiän pertie müöten* 'ходит она по избе', З *külät seižtettu doržu mütten* 'деревни поставлены по Держе'.

Сокращения

Калининские говоры карельского языка: **В** — весьегонский, **З** — зубцовский, **Т** — толмачевский; **Макаров, Рягоев** — Г. Макаров, В. Рягоев, Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка, Ленинград 1969; **Макаров** — Г. Макаров, Образцы карельской речи (калининские говоры), Москва—Ленинград 1963; **ПФЯ** — Прибалтийско-финское языковедение. Карельский диалект. Институт языка, литературы и истории, Ленинград.

Ariste — P. Ariste, Vadja muinasjutte. — Emakeele Seltsi Toimetised 4, Tallinn 1962; **Laanest** — A. Laanest, Isuri murdetekste, Tallinn 1966; **Rapola** — M. Rapola, Johdatus suomen murteisiin, Helsinki 1961 (TL 4); **Palmeos** — P. Palmeos, Karjala Valdai murrak. — Emakeele Seltsi Toimetised 5, Tallinn 1962; **Virtaranta** — P. Virtaranta, Lähisukukielten lukemisto, Helsinki 1967 (SKST 287).

Л. С. И. ЕРМУШИНА (Москва)

ALEKSANDRA PUNZINA (Petrozavodsk)

DER PARTITIV IM KARELISCHEN

Der Partitiv im Karelischen ist das Erbe der finnisch-ugrischen Ursprache und geht auf den Ablativ mit den Endungen *-ta/*-tä. zurück. Karelische Mundarten aus dem Kalinin-Gebiet sind durch die Vielfältigkeit der Partitivendungen gekennzeichnet. Die Substantive haben im Partitiv Singular die Endungen -da/dä, -ie, -iä, -ua, -uo/üö, -ta/tä. Eine Reihe der Substantive lautet auf -ta/tä oder -ie; -ta/tä oder auf -da/dä aus. In der Zubcovo-Mundart hat der Partitiv Singular in Übereinstimmung mit phonetischen Gesetzmäßigkeiten auch die Endungen -ua, -u, -ü, -ia/iä, -iä, -i. Die Partitivendungen im Plural sind -da/-dä, -e (Murdarten von Tolmači und Vesjegonsk); in der Zubcovo-Mundart hat der Partitiv im Plural meistens keine Endungen, das Objekt tritt im Partitiv gewöhnlich im Singular auf.

Существуют различные точки зрения на возникновение показателей объектного спряжения в карельском языке.

Существуют различные точки зрения на возникновение показателей объектного спряжения. Автор первой обстоятельной грамматики эрзя-мордовского языка Ф. И. Вилеман считал, что в формах объектного спряжения объектные суффиксы слились с личными окончаниями, например, в формах настоящего времени -сиям 'я', -сияма 'он меня' и т. д. Этой же точки зрения придерживался М. Е. Евсеев.¹

Более сложная путь образования показателей объектного спряжения (сочетание отглагольных имен с притяжательными суффиксами) предполагал Д. В. Бубрих. С ним согласен Б. А. Серебрянников.²

Анализ форм объектного спряжения показывает, что они состоят из корней и показателей объекта, времени и субъекта действия, например: *коштан* 'знаю тебя я', где *кош-* — корень, *-т* — показатель объекта действия, *-а* — показатель настоящего времени³, *-н* — показатель субъекта действия.

Система показателей объекта действия в эрзяском языке сохранилась хорошо. Для передачи объекта действия, выраженного 1 я. ед. и мн. ч. (ряды *донь* 'меня', *мишек* 'нас'), существует показатель -м-, 2 я. ед. и мн. ч. (ряды *тома* 'тебя', *томак* 'вас') — -т-, 3 я. ед. и мн. ч. (ряды

¹ См. А. Кистин, *A mordva (erzya) nyelvezes*. — Nyk XLVI 1923—1927, T. Kézlelt; The Objective Conjugation of Finnish Mordvin. — *SFB V* 1969, стр. 19—29; В. А. Серебрянников, *Zu den Ursprüngen morphologischer Verworrenheit von Formen der objektiven Konjugation im Mordwinischen*. — *UAb* 37 1966, стр. 55—56; П. Г. Мухоморов, *К вопросу об историческом формировании объектного спряжения в мордовских языках*. — Ученые записки Мордовского государственного университета 20 Саранск 1962, стр. 54—56; а также же: Объектное спряжение глаголов в мордовских языках, Тарту 1973 (авторская копия д. н. с.); а также данному вопросу посвящены разделы следующих работ: Д. В. Бубрих, *Историческая грамматика эрзянского языка*, Саранск 1963; Б. А. Серебрянников, *Историческая морфология мордовских языков*, Москва 1967, а также Оксфордский диалект карельской и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964; см. также ОМД I—V.

² См. Б. А. Серебрянников, *Историческая морфология мордовских языков*, стр. 173—175.

³ Там же, стр. 173.

⁴ Б. А. Серебрянников, *Основные линии развития падежных и глагольных систем в уральских языках*, стр. 62.